

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ПЕТРАРКИЗМА

В статье рассмотрены основные проблемы изучения итальянского петраркизма на современном этапе, как они сложились в западной и отечественной науке. Автором предложен свой подход к их решению, который заключается в разграничении понятий «петраркистская традиция» и «петраркистский канон».

Ключевые слова: Петраркизм, Бембо, литературное движение, традиция, канон.

T. Yakushkina

PROBLEMS OF STUDYING ITALIAN PETRARCHISM

The article deals with the main problems of studying Italian petrarchism at the modern stage as they have developed in western and Russian science. The author offers her own approach to the petrarchism interpreting based on differentiating the term of petrarchist canon from that of petrarchist tradition.

Key words: Petrarchism, Bembo, literary movement, tradition, canon.

Петраркизм — одна из самых интересных и дискуссионных проблем в истории итальянской литературы. Однако в нашей стране ей не уделялось особого внимания. После выхода в свет переведенной «Истории итальянской литературы» Ф. Де Санктиса и «Итальянской литературы» С. С. Мокульского¹ осмысление петраркизма в нашей стране свелось к набору определений, подтверждавших тезис «о деградации гуманистических идеалов в аристократическом обществе XVI в.»: книжный характер, языковой пуризм, аристократическая ограниченность, формализм, подражательность. Тот же информационный минимум с идеологическим подтекстом содержится и в учебнике литературы Средних веков и Возрождения (1947), который

до сих пор является базовым для филологических факультетов вузов². Выход в свет академической «Истории всемирной литературы», а вслед за ней «Итальянской литературы зрелого и позднего Возрождения» ситуации принципиально не изменил. Признав за петраркизмом стремление «к созданию классических национальных норм языка и стиля» и «определенные художественные завоевания» за счет маньеризации классической поэзии, они в очередной раз подчеркнули: «Пуристское и академическое подражание Петрарке в середине XVI в. было не менее бесперспективным, нежели рабское повторение формальных приемов Боккаччо»³. До последнего времени, помимо беглых упоминаний, в нашей науке существовали только

две статьи, посвященные поэзии итальянского петраркизма⁴.

Ситуация стала меняться лишь в последние десять лет, когда появились работы Н. Кардановой и И. Шайтанова⁵. Однако монография Н. Кардановой посвящена Бембо и, решая вопрос о специфике его нормы, не касается вопросов, связанных с восприятием и развитием этой нормы у поэтов XVI в., с пониманием петраркизма как литературного движения. То же можно сказать и об учебнике И. Шайтанова, где вопрос о петраркизме сводится к вопросу о развитии сонетного жанра в европейской лирике Возрождения. Эти работы можно рассматривать лишь как первый шаг на пути «реабилитации» петраркизма в нашей стране.

Следует заметить, что «обвинения», высказанные в адрес итальянского петраркизма, по большому счету справедливы. Петраркизм действительно и формалистичен, и подражателен, и книжен, и выступает за языковой пуризм. Но почему он оказался столь востребованным? Почему в сфере его притяжения оказалась не только придворная аристократия, но и ученые-гуманисты, художники, дамы и куртизанки, просто владеющие грамотой люди? Следует напомнить и то, что петраркизм, возникнув в Италии, оказал большое влияние на поэзию многих европейских стран. По мнению современных исследователей, это одно из самых заметных явлений европейской литературы XVI в. Если же учесть, что созданная Петраркой модель любви в некоторых своих формах остается значимой до сегодняшнего дня, то тем более актуальной является задача осмысления итальянского петраркизма как исторически первого этапа подражания языку и мотивам «Книги песен» Петрарки.

В отличие от отечественной итальянистики, на родине петраркизма его изучением занимались много и плодотворно. Его историческое признание упиралось в дебаты вокруг теории и принципа подра-

жания. В конце XIX в. отрицательное отношение к петраркизму объяснялось нежеланием признать за подражательным искусством права на существование, непониманием его природы и исторической обусловленности. Начиная с 1930-х гг., когда принцип подражания оказался в центре внимания западно-европейской научной мысли, стала очевидной необходимость серьезного изучения петраркизма. Крут связанных с ним проблем оказался необычайно широк: связь с философией неоплатонизма, с социальными и политическими изменениями в структуре итальянского общества, с лингвистическими дискуссиями и художественными стилями эпохи: маньеризмом, барокко, классицизмом. Расширение научных знаний о литературном процессе Чинквеченто обусловило появление новых вопросов, а их решение все еще заставляет специалистов вести полемику. Так, до сих пор не удается разграничить понятия «петраркизм» и «лирика XVI в.». Одни исследователи утверждают, что «петраркизм представлял почти всю лирику XVI в.»¹, другие возражают, что картина литературной жизни не была столь однозначна⁷. При этом вывести за пределы влияния петраркизма удается очень ограниченное число поэтов: Аретино, Берни, Микеланджело.

Наука XX в. сделала многое для того, чтобы доказать, что установка на подражание в традиционном искусстве не является признаком его несовершенства. Для эпохи Возрождения подражание — это фундаментальный принцип всей культуры, а не только петраркизма, который совсем не означал отсутствие творческого начала. Другое дело, что проявлялось оно иначе, чем в новое время, и заключалось не в оригинальности, а в возможности варьирования общепризнанного образца — в процессе, в котором и раскрывалось индивидуальное авторское начало. Но есть еще вопросы, которые по-прежнему ждут своего решения. Например, каким образом реализуется в подражательном искусстве

духовная жизнь отдельного субъекта, если она неповторима по самой своей природе? Какой смысл выражают и передают похожие друг на друга и заимствованные у Петрарки тексты петраркистов? «Для нас сегодня, — считает известный итальянский исследователь А. Квондам, — вся проблема петраркизма сосредоточена здесь: мы должны понять, какой максимальный смысл передается при максимальной стереотипизации»⁸.

Возникновение вопроса о коммуникативной природе петраркизма не случайно и обусловлено общим интересом науки к проблемам коммуникации, поднятым в связи с вступлением человечества в информационную эру. Следствием этого интереса стало появление многочисленных исследований по проблемам печати и ее влиянию на формирование и развитие читательской аудитории. Отсюда и новый взгляд на петраркизм XVI в., когда его феномен осмысливается как результат, порожденный началом «эпохи типографий». Рост числа читателей, ослабление однородности читательской аудитории, ориентация издателей на требования рынка, учет социальной психологии и первые признаки маркетинговой политики в их поведении — это пусть и чересчур модернизированная, но в целом верная попытка рассмотреть петраркизм как один из первых образцов массовой литературы⁹.

За более чем столетнюю историю интенсивного изучения петраркизма накопилось немалое количество его определений. Однако они подчас столь противоречивы, что скорее создают дополнительные трудности, чем помогают в изучении проблемы. Так, для известного итальянского литературоведа А. Азор Розы петраркизм является «особым типом кодификации» в лирике, который означал следование в качестве исключительного образца лирике Петрарки в соответствии с теоретическими указаниями Бембо¹⁰. А для А. Квондама, не менее известного благодаря изучению типографской продукции петраркиз-

ма, он предстает уже как «первая современная феноменология того типа культуры, который со всеми своими атрибутами может считаться *культурой масс*». Очевидно, что разница дефиниций обусловлена разницей в исследовательских подходах, и выбор методологии оказывается принципиальным для ответа на вопрос о петраркизме.

Тенденция вывести изучение этого явления за собственно литературные рамки, представленная в работах Квондама, — не случайность. Феномен петраркизма тем и интересен, что в нем социальное и общественное значило не меньше, чем литературное. Тезис о том, что петраркизм формируется на пересечении основных процессов итальянской культуры, стал определяющим для науки второй половины XX в. Однако сколь бы исследования последних десятилетий ни расширяли наше представление о петраркизме за счет экстралитературных факторов, они отталкиваются от вывода, к которому история литературы пришла еще в середине XX в. Петраркизм — это литературное движение, связанное с обращением к идеалистической философии платонизма и попыткой создать идеальный язык поэзии на основе творчества Петрарки. Его наиболее характерной особенностью является соединение литературно-эстетического аспекта подражания Петрарке с психолого-поведенческим.

Когда речь идет о литературном движении, вопрос о его хронологии неизбежен. Наука давно отвергла попытки исследователей конца XIX в. распространить использование термина «петраркизм» дальше XVI в. В настоящий момент среди специалистов нет сомнений в том, что петраркизм — это конкретное историческое явление, хронологические рамки которого ограничены, с одной стороны, жизнью Петрарки, с другой — XVI в. Однако движение в обратную сторону — вглубь XV и XIV вв. — требует ограничения понятия

«петраркизм» не только хронологически, но и текстуально.

За разрешение этой проблемы взялся еще в 1950 г. американский исследователь Э. Уилкинз. Понимая петраркизм как «творческую активность в литературе, искусстве и музыке, возникшую под прямым и непрямым влиянием произведений Петрарки», Уилкинз указал на три источника этого влияния: латинские сочинения поэта, «Триумфы» и «Книга песен». Каждый источник породил свою собственную традицию, «волну влияния», по выражению исследователя. Возникнув одновременно, еще при жизни поэта, эти волны оказались разной силы и длительности¹².

Заменяв термин «подражание» термином «влияние», американский ученый фактически перевел изучение проблемы петраркизма совсем в иную плоскость. Он первым правильно указал на наличие нескольких традиций, порожденных различными петрарковскими произведениями, а выявление амплитуд этих традиций подняло вопрос о причинах востребованности того или иного произведения в разные периоды. После исследования Уилкинза стало понятно: нельзя изучать петраркизм вообще, есть смысл заниматься «петраркизмом» конкретного произведения (или группы произведений), ведь каждый из них имел свою историю.

Колоссальное по объему наследие Петрарки на латинском языке впечатляет богатством жанрового и тематического состава: письма, трактаты, диалоги, инвективы, биографии, исторические сочинения, речи, поэма, эклоги, в которых освещаются различные проблемы философии, морали, литературы, истории, а также история собственной жизни и любви. В XIV — начале XV в. его активно используют гуманисты. Самые красноречивые примеры в этом смысле — жанры эпистолярного послания и диалога. Латинские произведения с многочисленными автобиографическими отступлениями поэта служат источником для создания его

биографий, «Африка» и «Буколическая песня» — для слабых попыток в области литературного подражания. Со второй половины XV и до начала XVII в. латинские сочинения востребованы преимущественно как тексты для чтения и цитирования.

«Триумфы» вызвали желание подражать вплоть до второй половины XV в., позже они востребованы мало и уже в другом качестве — как источник биографического и философско-критического изучения. В XVI в. вместе с «Книгой песен» они составляют корпус итальянских сочинений Петрарки, которые становятся предметом всестороннего лингвистического и стилистического анализа.

Но ни одно из произведений Петрарки не может сравниться с «Книгой песен». Этой книге поэта подражали в итальянской литературе на протяжении двух с половиной веков: первые примеры можно найти уже во второй половине XIV — начале XV в., к середине столетия эта тенденция обретает очертания традиции, которая становится все более динамичной к концу XV в.; в XVI в. о ней можно говорить как о беспрецедентной по своему размаху и общеевропейскому резонансу. Только эта традиция благодаря усилиям П. Бембо обретает характер нормы. Она сопровождается всеми формами почитания: невероятным количеством изданий, массовыми литературными подражаниями, теоретическим осмыслением, всесторонним комментированием, биографическим изучением, переложениями на музыку, изображением изданий Петрарки на живописных портретах, подражанием в жизни. Сегодня подобные проявления характерны для того, что называется «массовая культура».

Особенности подражания Петрарке в XVI в., ограниченные «*Canzoniere*» в интерпретации П. Бембо и сопровождаемые перечисленными выше социокультурными проявлениями, мы привычно именуем петраркизмом. Значит ли это, что и подра-

жания на более ранних этапах также могут быть определены как петраркизм?

Ответ напрашивается сам собою: по-видимому, имеет смысл различать петраркизм в широком смысле — как подражание Петрарке вообще и в узком — как подражание конкретному произведению или группе произведений. Однако в итальянской науке, т. е. там, где сложилось само понятие петраркизма, такое различие изначально не играет определяющей роли. В итальянской культуре петраркизм как явление литературной и общественной жизни оформляется как подражание «Книге песен». Подражания латинским произведениям Петрарки на этот процесс заметного воздействия не оказали. Поэтому современные истории итальянской литературы решают возникшую проблему иначе. Здесь петраркизм в широком значении понимается как вся история подражаний «*Canzoniere*» от времени Петрарки и до конца XVI в., в узком — как следование норме Бембо на протяжении XVI в.¹³ Понятно, что при таком компромиссе в рамках одной национальной культуры различие «настоящего» и «ненастоящего» петраркизма зависит от историко-культурных и научных особенностей конкретного подхода. Тем не менее общим ориентиром итальянистики сегодня является то, что петраркизм как *норма* подражания языку и стилистике Петрарки полагается относящимся к формированию *традиции* итальянской лирики.

Петраркизм как норма подражания, или канон, и петраркизм как часть лирической традиции — это полюса, определившие методологические и предметные акценты исследований последних десятилетий. Мы видим другой путь разрешения данной дилеммы. Петраркизм как норму подражания Петрарке следует рассматривать не как самостоятельное явление литературы XVI в., а зависимое, в том смысле, что оно вырастает из длительной традиции подражания Петрарке. Другими словами, петраркистский канон — это определен-

ный этап развития петраркистской традиции. Разграничение понятий «канон» и «традиция» применительно к петраркизму позволяет не только сосредоточиться на норме Бембо, но и проследить пути движения к ней, понять причины ее утверждения в итальянской культуре XVI в. Следуя по этому пути, надо признать, что петраркизм зарождается не с момента первых подражаний Петрарке, которые возникли еще при жизни поэта, а гораздо позже. Лишь в 1440-е гг. в итальянском обществе выделяется среда, для которой любовная поэзия Петрарки на вольгаре представляла культурную ценность. Придворными поэтами на основе «Книги песен» была создана «база» основных топов и конструкций петраркизма. Увлечение философией Платона и интерес к народному языку у гуманистов во второй половине XV в. завершили дело. Идеалы придворной среды, опыт освоения античного наследия, экспериментирование на вольгаре и учение Фичино о любви и красоте создали основу для петраркизма Бембо. На наш взгляд, суть проблемы состоит в том, что петраркизм Бембо возник не как поиск новых путей в литературе, а как обобщение идейно-эстетических принципов возрожденческой культуры в момент обозначившегося ее кризиса. Требования созданного Бембо канона не перечеркивали, а, наоборот, обосновывали и развивали общие принципы культуры Высокого Возрождения, соединяя в себе неоплатоническую метафизику и античную образность с куртуазностью и стилистической изысканностью языка Петрарки. С этих позиций петраркизму в первой половине столетия оказались причастны практически все.

Предложенный нами подход помогает в решении еще одной проблемы. Массовый характер петраркизма — факт общеизвестный. Первые списки петраркистов появились еще при жизни Бембо¹⁴. Исследования последних лет значительно расширили число его последователей за счет

огромного числа региональных поэтов, женщин-поэтесс, участников коллективных сборников. Неудивительно, что до сегодняшнего дня не прекращаются споры о том, кого и в какой мере следует причислять к лагерю петраркистов. После долгого преобладания научных подходов XIX в., рассматривавших петраркистов сообща, закономерно стремление науки конца XX в. рассмотреть лицо каждого. Однако, несмотря на настоящие открытия, какие в свое время принесли исследования творчества Делла Казы, Стампы, Гамбары и других поэтов, они мало повлияли на наше представление о масштабности петраркизма. О пользе таких работ спорить не приходится. Они, безусловно, усложнили наше понимание петраркизма, однако по существу оказались изучением частных случаев. Простое наращивание анализируемого материала не может быть решением проблемы. Как судить об истинности или неистинности петраркизма каждого?

В очередной раз встает вопрос о критериях оценки. На наш взгляд, им может стать осмысление петраркизма XVII в. с точки зрения законов канонического искусства. Руководствуясь этим критерием, приходится начать с парадоксального — отказаться от необходимости признать петраркистом того, кто только следовал правилам «Рассуждений о народном языке» Бембо. Как справедливо подчеркивал А. Ф. Лосев, когда речь идет не просто о канонах, но о художественных канонах, свести анализ произведения только к одной «материально-технической стороне» ни в коем случае нельзя⁵. Это сразу переводит разговор в иную плоскость. В ней вопрос о соблюдении языковой нормы бу-

дет составляющей более сложной организации, в которую на равных входят также риторика, эстетика и куртуазность. Совокупность всех перечисленных компонентов выражается в понятии «стиль». Выбирая стиль в качестве критерия, мы уже учитываем не только формальные, но и содержательные, и даже идеологические характеристики того или иного произведения. Однако, как бы широко мы ни толковалиTM понятие стиль, дело не столько в присутствии тех или иных его составляющих, сколько в характере их организации. Опыт, закрепляемый и передаваемый канонами, должен еще предстать в виде законченного архитектурного целого. Только всеохватывающая система с выраженной иерархической структурой способна ориентировать индивидуальное сознание. Это, с нашей точки зрения, и есть та постоянная величина, которая составляла основу петраркистского канона, апелляция к ней, несмотря на индивидуальную интерпретацию, определяет и частности каждого.

Полтора века нескончаемых споров о петраркизме в западно-европейской науке остались практически незамеченными в нашей стране. Отсутствие исследований на эту тему в отечественной италянистике ведет к искажению представлений о духовной жизни Италии XV в. Однако одной «реабилитацией» здесь не ограничиться. Изучение петраркизма представляет собою важное направление в науке, которое затрагивает огромный комплекс теоретических, социокультурологических и историко-литературных проблем. В их решение и предстоит внести свой вклад отечественным исследователям.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Де Санктис Ф. История итальянской литературы: В 2 т. - М.: Иностранная литература, 1963. Т. 1; Мокульский С. С. Итальянская литература: Возрождение и Просвещение. - М.: Высшая школа, 1966.

- ² История зарубежной литературы: средние века: Возрождение / М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, С. С. Мокульский и др. — М.: Высшая школа, 1999.
- ³ Андреев М. Л., Хлодовский Р. И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. — М.: Наука, 1988. — С. 42; История всемирной литературы: В 9 т. — М.: Наука, 1985. — Т. 3. — С. 123.
- ⁴ Голенищев-Кутузов И. Н. Поэзия // История всемирной литературы: В 9 т. — М.: Наука, 1985. — Т. 3. — С. 142—146; Елина Н. Г. О лирике Пьетро Бембо // Рафаэль и его время: Сб. ст. — М.: Наука, 1986. — С. 218—223.
- ⁵ Карданова Н. Б. Пьетро Бембо и литературно-эстетический идеал Высокого Возрождения. — М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001; Шайтанов И. О. История зарубежной литературы: Эпоха Возрождения: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. — М.: Владос, 2001.
- ⁶ Mandruzzato E. Il piacere della letteratura italiana: per riscoprirla, rileggerla e amarla. — Milano: Mondadori, 1996. — P. 201.
- ⁷ Marchese A. Storia intertestuale della letteratura italiana: il Cinquecento, il Seicento e il Settecento dal Rinascimento all'Umanesimo. — Messina; Firenze: D'Anna, 1993. — P. 35.
- ⁸ Quondam A. Il naso di Laura. Lingua e poesia lirica nella tradizione del Classicismo. — Ferrara: ISR; Modena: F. C. Panini, 1991. — P. 308.
- ⁹ Manuale di letteratura italiana: storia per generi e problemi. Vol. 2 / a cura di F. Briosci, C. Di Girolamo. — Torino: Bollati Boringhieri, 1994.
- ¹⁰ Asor Rosa A. Sintesi di storia della letteratura italiana. — Firenze: La nuova Italia, 1975. — P. 105.
- ¹¹ Quondam A. Op. cit. — P. 305.
- ¹² WHkins E. H. A general survey of Renaissance petrarchism // Comparative Literature. Vol. 2. — Eugene: University of Oregon Press, 1950. — P. 327—328.
- ¹³ Для неитальянской литературной традиции имеет смысл другое разграничение: в широком значении петраркизм понимается как подражание и латинским, и итальянским произведениям Петрарки; в узком, терминологическом, — «как течение в европейской поэзии XVI—XVII вв., в основе которого лежит прямое или опосредованное подражание темам, мотивам, образам и языку лирического сборника Петрарки „Канцоньере“» (Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. — М.: Интелвак, 2001. — Стлб. 743).
- ¹⁴ Graf A. Ultraverso il Cinquecento. — Torino: Loescher, 1888. — P. 50.
- ¹⁵ Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: Сб. ст. — М.: Наука, 1973. — С. 9—10.